

Ф. М. Достоевский о преображении личности в романе «Бесы»

Е. А. ГАРИЧЕВА

(НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Романы Достоевского объединяет такая базисная структура русской литературы и православной культуры, как категория преображения личности. Писатель показывает события в пространственно-временном единстве. Конфликт добра и зла в героях Достоевского ведет их к поискам нравственного идеала — Христа. Ведущими мотивами произведений Достоевского являются покаяние, смирение и страдание. Аллюзии к Евангелию, метафоры Священного Писания усиливают линию интерпретации.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, роман, хронотоп.

F. M. Dostoevsky about Transfiguration of Personality in the Dostoevsky's Novel «The Possessed»

E. A. GARICHEVA

(NOVGOROD STATE UNIVERSITY)

Abstract: the Dostoevsky's novels such basis structure of Russian literature and orthodox culture as the category of transfiguration of personality unites. The writer shows events in spatio-temporal unity. The conflict of good and evil in the heroes Dostoevsky conduces them to searches for a moral ideal — Christ. Predominant motifs of works Dostoevsky are penance, humility and suffering. The allusions to the Gospel, the metaphors of the Scriptures strengthen the line of interpretation.

Keywords: Dostoevsky, a novel, spatio-temporal unity.

В послесловии к роману «Бесы» Ф. М. Достоевский пишет о социалистах: «...люди без образа — убеждений нет, науки нет, никаких точек упоров, уверяют в каких-то тайнах социализма. Люди, как Кириллов, своим умом страдающие» (11, 308)¹. Очевидно, что для Достоевского лишиться образа Божьего — это уповать не на Промысел Божий, а на человеческий разум, не стяжать Премудрость Божию, а стремиться преобразовать мир вокруг себя по своей воле.

В черновиках к роману «Бесы» Ф. М. Достоевский ищет жанровую форму и останавливается сначала на «губернской хронике», потом на «хронике» вообще (11, 92). Жанр хроники и летописи сосредоточен на том, что происходит в двух мирах — временном и вечном, поскольку важно уловить Замысел Божий о мире и увидеть, насколько те или

иные личности или народы отклоняются от этого замысла или, напротив, выполняют Божию волю. Судьбы мира решатся на Страшном суде — поэтому весь роман «Бесы» находится под знаком Апокалипсиса. В подготовительных материалах к «Бесам» Достоевский пишет: «...раненый зверь, третья часть трав погибла, блудница Востока, жена чревата — Россия» (11, 182).

Во время работы над романом Достоевский увлеченно читает «Россию и Европу» Н. Я. Данилевского (1869), принимает его теорию культурно-исторических типов и идею близкого заката европейской цивилизации (12, 233). Однако признается в письме к А. Н. Майкову от 9 октября 1870 года, что не во всем согласен с Данилевским: «Все назначение России заключается в Православии, в свете с Востока, который потечет к ос-

* Гаричева Елена Алексеевна — кандидат филологических наук, докторант Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Тел.: (8162) 61-16-55. Эл. адрес: sole11@yandex.ru

лепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа. Все несчастье Европы, все, все безо всяких исключений произошло оттого, что с Римской церковью потеряли Христа, а потом решили, что и без Христа обойдутся... Даже в таких высоких русских людях, как например автор «России и Европы», — я не встретил этой мысли о России, т. е. об исключительно-православном назначении ее для человечества» (29(1), 146–147).

Можно предположить, что на замысел романа «Бесы» повлияло незаконченное произведение Я. П. Полонского «Свежее предание», три главы которого были напечатаны в журнале Достоевских «Время» в 1861 г. и которое было охарактеризовано в объявлении как «одно из замечательнейших произведений нашей текущей политической литературы», «событие в литературе» (19, 213). В черновике «Картузова» упоминается имя Полонского (11, 39). В письме к Н. Н. Страхову от 9 октября 1870 г. Достоевский солидаризируется с рецензентом в оценке творчества Полонского как «истинной поэзии», которая выдержит суд истории (29(1), 149).

В романе в стихах Я. П. Полонского «Свежее предание» (1861–1863) либерал-идеалист Камков «признает славянофильство преждевременным и ложным, пока наш мужичок без языка» (Аммон, 1906: 98). Идеалом красоты Камков считает Сикстинскую мадонну Рафаэля. В своей воспитаннице Лоре он видит сходство с этим образом. Очевидна близость этого героя Степану Петровичу Верховенскому, персонажу романа Достоевского «Бесы». Замысел продолжения романа Полонского также перекликается с замыслом Достоевского. Лора воспитывает в деревне крестьянского мальчика Илюшу и узнает о страшном преступлении, которое совершил ее ученик. Сестра мальчика Маша может выйти замуж за любимого человека только ценой потери своей невинности — на этом настаивает князь. Илюша убивает князя, а Лора не может его проклинать: Камков перед смертью ей говорит, что «настоящий убийца не мальчик, а тот, кто в нем развил благородные чувства» (Полонский, 1896:

450). В конце романа «Бесы» Степан Трофимович Верховенский приходит к мысли о своей вине за воспитание Ставрогина, за то, что оставил сына Петра без внимания, за то, что обидел Федьку Каторжного, которого это побудило к мщению.

Мысль об ответственности каждого за то, что происходит в мире, — главная идея романа. «Все и каждый один перед другим виноваты», — утверждает Степан Трофимович (10, 491). Шатов говорит: «Все виноваты, все виноваты и... если бы в этом все убедились» (10, 446). Наконец, Тихон говорит Ставрогину в главе, которую не включили в роман: «Согрешив, каждый человек уже против всех согрешил, и каждый человек хоть чем-нибудь в чужом грехе виноват» (11, 26). Борьба со злом возможна тогда, замечает С. И. Фудель, когда каждый человек воспринимает зло не как постороннее, а как свое собственное (Фудель, 2005: 175).

В черновиках Достоевский рассматривает либералов-идеалистов и нигилистов как «два поколения одних и тех же западников» (11, 68). Идеалы старших западников — «Мадонна» Рафаэля, золотой век (11, 65–66). Это «поэты», но «у всех у них сеяно было на песке» (11, 102). Они принадлежат к «патетической школе, французскому классицизму» (11, 120). Отсутствие четких духовно-нравственных ориентиров, отрыв от родной почвы приводит следующее поколение западников к полному нигилизму.

Появление славянофильства Достоевский считает следствием раскола в обществе после Петровской реформы: «...это раскол, с Петра Великого у нас два раскола были — высший и низший» (11, 88). Славянофилов Достоевский упрекает в барстве и оторванности от народа: «Славянофилы — барская затея. Их мнение о Пушкине (бедность русской литературы). Слова Киреевского об иконе» (11, 64). Писателя интересует тип «коренника» (Шапочников, а потом Голубов, отчасти Шатов), который ищет «национальный путь» России «во всех отношениях» (11, 67). В уста Князя он вкладывает свою мысль о том, чего не хватает западникам

и славянофилам и что сохранено в народе русском: «Не мораль Христова, не учение Христа спасет мир, а именно вера в то, что Слово плоть бысть. Вера эта не одно умственное признание превосходства его учения, а непосредственное влечение» (11, 187–188). Шатов говорит в черновиках о преобразении личности, подражающей Христу: «Да Христос и приходил затем, чтоб человечество узнало, что знания, природа духа человеческого может явиться в таком небесном блеске, в самом деле и во плоти, а не то что в одной только мечте и в идеале, что это естественно и возможно. Этим и земля оправдана. Последователи Христа, обоготворившие эту просявшую плоть, засвидетельствовали в жесточайших муках, какое счастье носить в себе эту плоть, подражать совершенству этого образа и веровать в Него во плоти» (11, 112–113).

По мысли Достоевского, в грядущем апокалипсисе Россия может быть подобна праведнику или мученику в белых одеждах и будет спасена, если сохранит в себе «образ Христов»: «Схема веры: Православие заключает в себе Иисуса Христа. Христос — начало всякого нравственного основания. Развиваться и идти далее, к чему бы это начало ни привело. (К понятию о счастье, во-первых, счастье в законе, чтоб другие были счастливы. Это не стадное устройство западных социалистов на правах, а все права сами собою исходят из определения счастья по Иисусу. Не в накоплении вещей у себя по ревнивому праву личности, а в отдании всех прав добровольно мое счастье. Это не рабство, ибо, во-первых, отдает добровольно, следовательно, высшее проявление личности, а во-вторых, и те взаимно мне все отдают.) Нечего глядеть, если это неосуществимо; хотя бы только тысячному дана была белая одежда (Апокалипсис), и того довольно. Из сознания: в чем счастье? — последует и устройство общества. Но чтоб сохранить Иисуса, т. е. Православие, надо первое всего сохранить себя и быть самим собою. Только тогда будет плод, когда сберется и разовьется дерево; и потому России надо: проникнув-

шись идеей, какого сокровища она одна остается носителем, свергнуть иго немецкое и западническое и стать самой собою с ясно сознанным целью» (11, 186). Преобразование личности, преобразование русского человека приведет и к преобразению мира: «Мир станет красота Христова» (11, 188).

В романе «Бесы» показан мир, который нуждается в преобразении. В статье «Ответ “Русскому вестнику”» (1861) Достоевский, обратившийся к «Египетским ночам» Пушкина, создает модель такого мира: «Уже утрачена всякая вера; надежда кажется одним бесполезным обманом; мысль тускнеет и исчезает: божественный огонь оставил ее; общество совратилось и в холодном отчаянии предчувствует перед собой бездну и готово в нее обрушиться. Жизнь задыхается без цели. В будущем нет ничего; надо требовать всего у настоящего, надо наполнить жизнь одним насущным. Все уходит в тело, все бросается в телесный разврат...» (19, 135). В этом мире, по словам Достоевского, особенно понятно слово «Искупитель» (19, 137).

Модель мира Петра Верховенского в романе «Бесы» — это антипод христианской модели. Этот герой утверждает, что падение старого мира «к началу будущего мая начнется, а к Покрову все кончится» (10, 289). Видимо, выбор этого христианского праздника неслучаен. Россия считалась уделом Пресвятой Богородицы. Вместе с Православием Русь от Византии переняла веру в заступничество Пресвятой Богородицы. Петр Верховенский объявляет войну православному миру: над иконой Божией Матери церкви Рождества Богородицы, как подсчитала Л. И. Сараскина, «наши» глумятся 27 сентября (Сараскина, 1990: 55). Кошунство происходит сразу после праздника Рождества Пресвятой Богородицы (8 сентября по старому стилю), а «праздник гувернанток» и пожар Заречья — перед праздником Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября по старому стилю). Для православного человека эти праздники связаны с идеей заступничества Божией Матери за Русскую землю: именно в день Рождества Богородицы

св. Дмитрий Донской одержал победу в Куликовской битве.

Во второй части романа, когда «наши ша луны» глумились над Церковью и семьей, «народ молчал» (10, 254) или «глухо роптал» (10, 253). В третьей части «политический маньяк» глумился над символами Русской церкви и государства: «...а в Новгороде, напротив древней и бесполезной Софии, — торжественно воздвигнут бронзовый колоссальный шар на память тысячелетию уже ми нувшего беспорядка и бестолковщины» (10, 375). В то время как «бесчестилась Россия всенародно, публично», замечает Хроникер, толпа «ревела от восторга» (10, 374). Может быть, прав Кармазинов, который говорит о пассивности русского народа (мысль, подхваченная в XX веке Н. А. Бердяевым)? Именно этот герой обращается к Петру Верховенскому с идеей, которая укрепляет политического честолюбца в его решении: «Святая Русь менее всего на свете может дать отпору чему-нибудь» (10, 287).

Шигалев на Муравьиной улице перед «нашими» разворачивает проект «земного рая», где окажется одна десятая человечества, остальные станут для нее материалом. Прогнозируя развитие человечества без Христа, этот теоретик приходит к парадоксальному выводу: история будет развиваться циклично — от тирании к анархии, затем снова к тирании (10, 312). Эти же мысли высказывал Платон в «Государстве» и А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Тверь»). Так утопия превращается в антиутопию.

Шигалев показан в романе как человек ищущий. В письме к А. Н. Майкову от 25 марта 1870 г. Достоевский пишет о будущем нигилистов: «Про нигилизм говорить нечего. Подождите, пока совсем перегнет этот верхний слой, оторвавшийся от почвы России. Знаете ли: мне приходит в голову, что многие из этих же самых подлецов-юношей, гниющих юношей, кончат тем, что станут настоящими, твердыми почвенниками, чисто русскими» (29 (1), 119). Писатель верит в то, что человек должен прийти к бы-

тию, когда осознает, что такое небытие. В рукописных редакциях к следующему роману «Подросток» он запишет: «Премудрость подавляет ум человеческий, а он ищет ее. Бытие должно быть непременно и во всяком случае выше ума человеческого» (16, 19). Шигалев, единственный из окружения Петра Верховенского, отказывается принимать участие в убийстве Шатова, поскольку он сохраняет свободу, т. е. не склоняется перед авторитетом.

Восстановление образа Божьего в человеке в романе «Бесы» показано как духовное сопротивление злу. Уже отмечалось исследователями, что в основе концепции восстановления человека Достоевского лежит «Лествица, возводящая на небо» Иоанна Синайского, где есть такие слова: «Ангелам... свойственно не падать, и даже, как некоторые говорят, совсем невозможно пасть; людям же свойственно падать и скоро вставать от падения, сколько бы раз это ни случилось; а только бесам свойственно, падши, никогда не вставать» (Лествица, 1997: 85).

Свое падение осознает в романе Федька Каторжный. Рассказывая о некоем купце, который, как и он, из иконы «перл вынул», но потом его вернул, «и Мать Заступница пред всеми людьми его пеленой осенила» (10, 428), он верит, что своим покаянием он обретет заступничество Пречистой Богородицы на Страшном суде. Кроме того, верит, что страданием его душа очищается от греха: «...Почем ты знаешь, может, и моя слеза пред горнилом Всевышнего в ту самую минуту преобразилась, за некую обиду мою» (10, 425). Совершенно неожиданно для Петра Верховенского Федька Каторжный отказывается ему подчиняться. Иоанн Лествичник утверждает, что «Покаяние есть возобновление крещения. Покаяние есть завет с Богом об исправлении жизни» (Лествица, 1997: 129).

Также неожиданно для Верховенского младшего Кириллов оказывается не таким управляемым человеком, каким показался ему вначале. И хотя он говорит о распятии

без Воскресения, но с восторгом при этом указывает на икону Спасителя с зажженной перед ней лампадой (10, 471). Поэтому Верховенский заключает: «Свинство в том, что он в Бога верует, пуще, чем поп...» (10, 474). В монастыре Тихон говорит Ставрогину об атеизме как ступени к вере: «Совершенный атеист стоит на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры (там перешагнет ли ее, нет ли), а равнодушный никакой веры не имеет, кроме дурного страха» (11, 10). Видимо, поэтому перед приступом эпилепсии Кириллов испытывает состояние «вечной гармонии», которое он сравнивает с радостью Бога при сотворении мира: «Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: «Да, это правда, это хорошо». Это... это не умиление, а только так, радость» (10, 450). В этот момент герой даже освобождается от своего обычного косноязычия.

Соппротивление злой воле Ставрогина проявляет Мария Лебядкина, разоблачающая его как самозванца (10, 219). Эта героиня живет, как и Шатов, на Богоявленской улице. Здесь накануне отдания праздника Рождества Богоматери она ему рассказывает о моменте преображения, который испытала в монастыре на закате солнца: «Взойду я на эту гору, обращусь я лицом к востоку, припаду к земле, плачу, плачу и не помню, сколько времени плачу, и не помню я тогда и не знаю я тогда ничего. Встану потом, обращусь назад, а солнце заходит, да такое большое, да пышное, да словное, — любишь ли ты на солнце смотреть, Шатушка? Хорошо, да грустно» (10, 117). Любовь к Пресвятой Богородице дает этой героине дар благодатных слез, о которых писал Лествичник: «...слезы, происходящие от страха, ходатайствуют о нас; а те, которые от всесвятой любви, являют нам, что моление наше принято» (Лествица, 1997: 162). Также в «Лествице» говорится о том, что преображение человека чаще всего возможно на закате, поскольку «во время захождения солнца окончательно смиряется» его греховный помысл (Лествица, 1997: 219).

Наконец, Шатов открыто показывает свое неприятие программы Петра Верховенского. Во время собрания «наших» Петр Верховенский высказывает мысль о предательстве: «Неужели между нами может заключаться теперь доносчик?» (10, 317). Возможно, он сознательно создает аллюзию к Страстям Христовым, ведь утверждает же он, что «новая религия идет взамен старой» (10, 315). Но, несмотря на это, Шатов демонстративно и «молча пошел вон из комнаты» (10, 317). Твердость убеждений и способность любить делают возможным возрождение Шатова. Так, на Богоявленской улице во время родов своей жены Шатов переживает «тайну появления нового существа», «новую мысль и новую любовь» (10, 452).

Шатов, Кириллов и Мария Лебядкина оказываются жертвами разыгравшихся страстей, невинно убиенными, которых относят обычно к мученикам. В Откровении Иоанна Богослова говорится о мучениках, которые будут облачены во время Страшного суда в белые одежды и избегнут общей кары: «И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое имели... И даны были каждому из них одежды белые» (Отк. 6:9, 11). Белые одежды — это знак победителя: «Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его» (Отк. 3:5). Они напоминают о Фаворском свете Иисуса Христа: «И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающей» (Лук. 9:29). Невинно убиенные герои могут обрести Царствие Небесное.

Но есть в романе герой, которого уже можно назвать победителем. В письме к М. Н. Каткову от 8 октября 1870 г. Достоевский делился своим замыслом: «в первый раз... хочу прикоснуться к одному разряду лиц, еще мало тронутых литературой. Идеалом такого лица беру Тихона Задонского» (29 (1), 142). Тихон у Достоевского советует Ставрогину в монастыре работать над собой, заниматься домостроением, ина-

че «из ангельского дела будет бесовское» (11, 195). Сам Тихон занят трудом православленным, в основе которого уклонение от мира и отвержение своей воли, смиренномудрие (Лествица, 1997: 60). Однако Ставрогин не может победить в себе гордыню: «Вся разница между Князем и Шатовым в убеждениях в том, что Шатов еще только около замка запертой двери ходит, а Князь уже принял все последствия и главную идею принял Православие как главное основание новой цивилизации с востока. Архирей же добивает Князя обязанностью самовоскресения, самообработки — т. е. необходимостью практического дела Православия при таких понятиях, какие-то имеешь о Православии» (11, 195).

Центральному герою «Бесов», Ставрогину, этому «прекрасному нарциссу с покойником в сердце», по словам И. Ильина (Ильин, 1997: 426), противопоставлены люди, сохраняющие живое сердце: Тихон, показывающий образец смирения и призывающий Ставрогина победить грех гордости в себе, Шатов, даже в проклятии продолжающий любить и искать истину, Кириллов, проявляющий равнодушие и простодушность сердца, Марья Лебядкина, способная на любовь-благоговение к своему Ивану-царевичу, любящая Пресвятую Богородицу до благодатных слез. Все эти герои воплощают мысль Иоанна Лествичника о том, что «любовь есть источник веры» (Фудель, 2005: 75).

Достоевский верил в то, что «дух жизни» ведет русский народ к преображению: «Эта сила есть сила неутомимого желания дойти до конца и в то же время конец отрицающая. Это есть сила непрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти. Дух жизни, как говорит Писание, «реки воды живой», иссякновением которых так угрожает Апокалипсис» (10, 198). Верую в жизнь будущего века проникнуто все творчество Ф. М. Достоевского.

¹ Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972–1990. Произведения Достоевского цитируются по этому изданию. Том и страница указываются в скобках после цитаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аммон (1906). Призыв к свету и знанию, просветляющим толпу и сглаживающим рознь общества, как отличительная черта поэзии Полонского // Я. П. Полонский. Его жизнь и сочинения : сб. ист.-лит. ст. / сост. В. Покровский. М. С. 89-99.

Ильин, И. А. (1997) Собр. соч. : в 10 т. Т. 6. Кн. 3. М.

Лествица, возводящая на небо преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы (1997). М.

Полонский, Я. П. (1896). Полн. собр. стихотворений : в 5 т. СПб. Т. 3.

Сараскина, А. И. (1990). «Бесы»: роман-предупреждение. М.

Фудель, С. И. (2005). Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М.

Новые книги

Жизнь как Долг. Юбилей И. М. Ильинского / сост. Е. А. Белый. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. — 252 с.

Линде Н. Д. Психологическое консультирование : учеб. пособие / Н. Д. Линде. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — 308 с.

Психология мышления : хрестоматия по общ. психологии : в 2 ч. / авт.-сост. И. Р. Федоркова. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — Ч. 1. — 204 с.